

дального сознания, ведущей идеологией которого является религия); все, что не свое, чужое — это ненастоящий, неподлинный язык, это нечто производное, являющееся искаженной формой единственного языка, варваризацией, упадком, деградировавшей формой этого единственного, «божественного» языка. Такова другая тенденция.

3. Все сказанное нами требует конкретных иллюстраций. В качестве примера можно взять таких крупных лингвистов эпохи японского феодализма, как Камо Мабути и Мотоори Норинага.

Камо Мабути (1698—1769) — крупнейший лингвист Японии XVIII века, написал в 1769 г. (издана в 1789 г.) «Размышления о духе языка» (Гои кō

語意考

). В этом произведении особый интерес представляют для

нас первые две части, поскольку они посвящены вопросам внешней лингвистики. Камо Мабути сопоставляет три языка — японский, китайский и санскрит. В результате этого сопоставления он приходит к выводу, что как санскрит, так и китайский языки далеко уступают японскому. Почему? Первая глава монографии Камо Мабути дает исчерпывающий ответ на этот вопрос. В этой главе автор отмечает, что «народ страны, где светит солнце» (Китай), любит все искусственное, замысловатое, в силу чего слова языка этого народа полисемантичны, а эта полисемантичность вынуждает к созданию пиктограмм, то есть иероглифов. В этом — колоссальное неудобство: ведь приходится создавать бесчисленное количество пиктограмм. Так обстоит дело с китайским языком.

«Народ страны, где солнце заходит» (Индия), имеет дескриптивное, направленное на мелочи, детали, мышление, в силу чего у него так много объектов, вещей, на которые направлено это мышление, и так много звуков в языке; это в свою очередь приводит к необходимости пользоваться иероглифами (очевидно, имеется в виду дэванагари). Так обстоит дело с санскритом.

Наконец, «народ страны, где солнце восходит» (Япония), имеет элементарно-естественное мышление, в силу чего у него так мало объектов, вещей, на которые направлено мышление, и так мало слов в языке; «ему нечего забывать, ему не в чем заблуждаться, путаться», и естественно, что он удовлетворяется какими-нибудь пятьюдесятью «звуками» (то есть слогами согласно нашей терминологии, поскольку японская письменность силлабическая).

Таковы первые результаты сопоставления трех языков, говорящие, по мнению Камо Мабути, против санскритского и китайского языков.

Этот сравнительный этюд подкрепляется в заключение первой главы тезисом о «божественном происхождении», о «чудесных истоках» японского языка: некоторые говорят, — пишет Камо Мабути, — что пятьдесят «звуков» заимствованы у «народа страны, где солнце заходит», т. е. из санскрита. Это неверно, — возражает Камо Мабути; японский язык существовал искони, «пятьдесят звуков» — это и есть не что иное, как сама душа японского языка, они преподаны земными и небесными богами — предками японского народа и ни в коем случае не являются результатом подражания языку другой страны.

Вторая глава продолжает развивать тезис о превосходстве японского языка над другими, причем, если первая глава делала это на материале письменности, то вторая трактует вопрос о взаимоотношении слова и звука.

В китайском языке, — пишет Камо Мабути, — звук господствует над словом; в японском языке, наоборот, слово превалирует над звуком, поскольку в китайском языке семантика определяется музыкальным ударением, в то время как в японском слог как носитель значения с точки зре-